

О.В. Журавлев

К истории образования Дворцовой полиции: Дворцовая городовая стража. 1861–1881 годы

Статья посвящена истории Дворцовой городской стражи — специальному подразделению по охране императора Александра II. Рассматриваются вопросы, связанные с изменением социально-политической ситуации в царской России, роста революционно-террористической активности и принимаемыми мерами по охране императора и императорских резиденций.

Ключевые слова: социально-политическая ситуация; император Александр II; террористическая активность; Дворцовая городовая стража; охрана императора; Зимний дворец.

Формирование Дворцовой полиции, как, впрочем, и становление системы государственной охраны в Российской империи, стало ответной, защитной реакцией властей на трагические события, связанные с убийством Александра II 1 марта 1881 года [12: с. 7] и нарастающим революционно-террористическим движением в России.

В основе устройства Дворцовой полиции лежала учрежденная Александром II 8 декабря 1861 года специальная команда — полицейская городовая стража в количестве 30 человек для несения охранной службы вокруг императорского Зимнего дворца (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9).

Решение о создании нового охранного подразделения императором было принято далеко не сразу. Еще в 1860 году военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев направлял на высочайшее имя свои предложения «по принятию мер предосторожности по Главному караулу Зимнего Дворца» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9). Однако император оставил предложения генерал-губернатора без дальнейшего движения, и до времени они были отложены в сторону.

Вновь вернуться к вопросу об усилении охранительных мер по Зимнему дворцу подтолкнула исключительно сложная внутривнутриполитическая обстановка, которая стала складываться с самого начала 1861 года.

Обнародованный 19 февраля 1861 года Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости и начало проведения реформ, связанных с урегулированием отношений между помещиками и крестьянами, вызвали волнения и беспорядки среди последних. «На первых порах в уме крестьянина не совмещалось дарование свободы с обязательными повинностями, установленными в пользу помещика впрямь до ликвидации земельных отношений. Местами распространилось

среди крестьян убеждение, что им читали «облыжный» манифест, что настоящая Царская грамота предоставляет им «чистую волю», со всею помещичьею землею без всяких повинностей», — описывались происходящие события в историческом очерке о деятельности Министерства внутренних дел в царской России [6: с. 120].

По данным III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, только в течение 1861 года в 1176 имениях произошли крестьянские волнения и беспорядки [7: с. 17]. Число волнений в 1861 году достигло цифры крестьянских выступлений за все предшествующие 35 лет [8: с. 126].

Начало 1861 года также ознаменовалось волнениями в крупнейших университетах Российской империи, в частности в Санкт-Петербургском, Казанском и Московском. Студенты 60-х годов XIX века являлись наиболее социально-активным слоем общества того времени. Они хотели и ждали политических реформ в России, но в том виде, в котором они проходили, они принять их не могли. Ярким примером тому является череда демонстраций, прокатившихся по российским университетам.

1 марта 1861 года большое число студентов Санкт-Петербургского университета участвовало в панихиде по полякам, погибшим в ходе разгона манифестации 13 февраля в Варшаве. Именно участие русских студентов сделало это мероприятие политически выраженным [3: с. 46]. 17 марта подобная панихида была проведена в Москве, во французской католической церкви, где с паперти студенты критиковали деятельность правительства в отношении польского вопроса.

17 апреля состоялась «Куртинская панихида» казанских студентов по расстрелянным 13 апреля 1861 года безоружным крестьянам в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии [3: с. 48–49].

Эти и другие демонстрации вызвали усиление административного давления на студентов, вылившееся в первую очередь в изменение правил набора в университеты, оплаты и прохождения обучения, которые были обнародованы и разосланы в учебные заведения 31 мая 1861 года [3: с. 55], перед самыми летними каникулами.

Университетские волнения с новой силой вспыхнули в сентябре. Борьба студенчества за свои права, за свободный доступ в университет вывела их на улицы. 25 сентября прошла крупная студенческая демонстрация в Петербурге. 27 сентября — в Московском университете, 5–7 октября начались волнения в Казанском и Харьковском университетах.

Протесты в той или иной форме продолжались весь октябрь, и только к началу ноября ситуацию со студенческими волнениями правительству удалось взять под контроль.

Таким образом, вопрос об усилении мер по охране Зимнего дворца во второй половине 1861 года являлся весьма насущным и безотлагательным. По повелению императора в начале декабря была созвана комиссия и проведено совещание, касающееся усиления мер предосторожности по Зимнему дворцу.

В совещании под председательством министра императорского двора, генерал-адъютанта графа Владимира Федоровича Адлерберга I¹, приняли участие военный министр, генерал-адъютант Дмитрий Алексеевич Милютин, начальник III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов Василий Андреевич Долгоруков, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор, генерал-адъютант граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский, а также командир и начальник штаба Гвардейского корпуса, генерал от кавалерии Николай Федорович Плаутин и генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов соответственно.

К обсуждению на совещании были представлены предложения генерал-адъютанта Павла Николаевича Игнатьева «по принятию мер предосторожности по Главному караулу Зимнего Дворца», поданные им годом ранее, когда он еще занимал пост военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Он предлагал усилить охрану около Зимнего дворца путем выставления постов особых городских стражей от Санкт-Петербургской городской полиции.

Меры, предложенные генерал-адъютантом графом Игнатьевым, были признаны комиссией своевременными, но недостаточными. Комиссией были поддержаны его предложения о создании подразделения особой городской стражи из «отборных, благонадежных городских в чине унтер-офицеров из столичной полиции или уволенных из Гвардейских полков для создания особой команды по охранению порядка вокруг Зимнего дворца» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Помимо указанного вопроса на комиссии обсуждалась необходимость принятия дополнительных мер предосторожности по охране Зимнего дворца, положение с расстановкой внутренних постов от Гвардейского корпуса в ночное и дневное время, их действие в чрезвычайных ситуациях. Кроме того, рассматривались подготовка инструкций для постов от лейб-гвардейских подразделений, несущих охрану в Зимнем дворце, в том числе и для вновь создаваемой дворцовой городской стражи; установка гальванических звонков в качестве сигнализации на основных подъездах Зимнего дворца и рядом с помещением Главной гауптвахты, использование их в экстренных случаях; проблема дублирования сигнализации особыми посыльными со специальными знаками, подтверждающими их полномочия.

¹ РГИА. Ф. 1614. Историческая справка // Владимир Федорович Адлерберг I (1791–1884), участник войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. С 1823 г. — управляющий Канцелярией генерал-инспектора по инженерной части. С 1825 г. — помощник правителя дел Следственной комиссии по делу декабристов и флигель-адъютант. С 1828 г. — директор Канцелярии начальника Главного штаба, с 1832 года — начальник военно-походной е. и. в. канцелярии, член Военного совета. С 1842 г. — главноначальствующий над Почтовым департаментом. С 1852 по 1870 гг. — Министр императорского двора, член Государственного совета.

Александр Владимирович Адлерберг II (1818–1889), сын В.Ф. Адлерберга, генерал-адъютант (с 1855 г.), генерал от инфантерии (с 1869 г.), с 1861 г. — командующий Императорской Главной квартирой, одновременно с 1866 г. — член Военного совета, член Государственного совета и Комитета для рассмотрения военно-судных уставов. С 1870 по 1881 гг. — Министр императорского двора и уделов.

8 декабря 1861 года Министр императорского двора генерал-адъютант граф В.Ф. Адлерберг I вышел с всеподданнейшим докладом к Александру II по вопросу принятия ряда действий, направленных на охрану Зимнего дворца. В числе основных выработанных мер было предложено «возложить на вновь учрежденную команду городских стражей, что бы таковые денно и ночно наблюдали за входами в Зимний Дворец снаружи онаго, имея у каждого из 8-ми подъездов означенного Дворца... по одному дежурному стражу, что на три смены составит 24 человека, а 6 останутся в запасе на случай надобности по болезни или другим обстоятельствам» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 10).

Далее в докладе говорилось: «...стражам же вменить в обязанность, чтобы о всяком сборище, хотя бы и в незначительном числе людей, составляющемся близ Дворца и Эрмитажного здания или приближающемся к оным, они предлагали первоначально таковому сборищу разойтись, или удалиться; в случае же ослушания, немедленно бы уведомляли бы Коменданта и Заведывающего Зимним Дворцом, в случае же когда это сборище намеревается проникнуть во Дворец, — противиться сему с помощью патрулей, а если увидят, что не будут в силах воспрепятствовать вторжению сборища, немедленно давать знать о сем: прежде всего швейцару ближайшего подъезда, а затем одновременно Коменданту, Заведывающему Дворцом, Военному Генерал-Губернатору и Обер-Полицмейстеру» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 11). Меры эти удостоились высочайшего утверждения. На подлиннике всеподданнейшего доклада Министра императорского двора графа Адлерберга I рукой Александра II написано: «Высочайше повелено иметь 30 полицейских городских стражей» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 9).

Результат этого высочайшего повеления был сообщен министром императорского двора 14 декабря того же года Санкт-петербургскому военному генерал-губернатору для его исполнения (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 90). Осознавая всю серьезность и ответственность обязанностей, возлагаемых на создаваемое подразделение, граф Суворов-Рымникский, вступивший в означенную должность двумя месяцами ранее, в октябре 1861 года, лично руководил подбором для данной команды людей. В предписаниях для Санкт-Петербургской столичной полиции он требовал «выбрать для сей цели людей испытанной нравственности, заслуженных, отборных и представить мне для осмотра» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 12). В итоге созданное подразделение было сформировано из лучших городских унтер-офицерского и фельдфебельского званий и околоточных надзирателей Санкт-Петербургской полиции.

Годовое содержание для каждого городского данного подразделения было установлено в размере 411 рублей 60 копеек. Надзор за соблюдением дисциплины и порядка во вновь созданном подразделении был возложен на заведывающего Зимним дворцом. В отношении служебных обязанностей полицейская городская стража была подчинена приставу 1-й Адмиралтейской части полковнику Йодко, причем его полномочия ограничивались только выставлением постовых нарядов и проверкой несения службы. О всяком изменении

в личном составе городской стражи, о наложении взысканий, представлении к наградам и пособиям указанные начальствующие лица были обязаны обращаться с письменными рапортами к Санкт-Петербургскому обер-полицеймейстеру.

Планировалось, что полицейская городская стража закроет вопросы, связанные с осуществлением надзора за соблюдением общественного порядка вокруг Зимнего дворца, будет круглосуточно осуществлять наблюдение за входами в резиденцию императора и нести наружную охрану. Охране подлежали восемь подъездов дворца: Его Императорского Величества, Государыни Императрицы, комендантский, министра императорского двора, Государственного совета, Комитета министров, Государя наследника цесаревича и главного эрмитажного (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 59).

Дополнительно к несению службы на постах у вышеуказанных подъездов Зимнего дворца наряды полицейской городской стражи стали выставляться при выездах императора во дворцы великих князей и принца Ольденбургского, а также во время прогулок Александра II в Летнем или Александровском садах.

Подобная практика выставления нарядов полицейской городской стражи в местах пребывания императорской особы, исходя из логики дальнейших событий, была признана положительной и получила свое дальнейшее развитие.

В начале 1862 года была вновь созвана комиссия, собиравшаяся несколькими месяцами ранее. Дополнительно к работе в комиссии был приглашен командующий Императорской главной квартирой генерал-адъютант граф Александр Владимирович Адлерберг II. На этот раз комиссия собралась с целью выработки дополнительных охранительных мер уже по Большому Царскосельскому дворцу, которые были утверждены 29 апреля и сформулированы в виде «Правил охранения наружного и внутреннего порядка по Большому Царскосельскому дворцу».

Правилами предписывалось: «...для усиления способов к охранению наружного порядка около большого Царскосельского Дворца, на время пребывания там Императорской Фамилии из числа 30 городских, находящихся ныне при Зимнем Дворце, переводить в Царское Село, каждый раз 21 человека» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 17). Было установлено в общей сложности шесть постов: пять стационарных и один пост обходный. Следует отметить, что в схеме расстановки постов полицейской городской стражи в Царском Селе, принимал непосредственное участие лично император Александр II (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. Л. 73–78). Одновременно с утверждением «Правил охранения наружного и внутреннего порядка по Большому Царскосельскому дворцу» последовало распоряжение императора о назначении флигель-адъютанта полковника А.М. Рылеева главным руководителем по наблюдению за точным выполнением этих правил, а также за соблюдением порядка во дворце.

При переезде высочайшего двора в Петергоф дворцовые городовые несли охранную службу около Петергофского дворца и в парках. Начальником над ними был также назначен А.М. Рылеев. Ему, впоследствии генерал-адъютанту, были подчинены не только откомандированная из Зимнего дворца полицейская городовая стража, но и весь находящийся в командировке в местах пребывания императора состав Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Данное подразделение было создано в мае 1866 года в недрах III отделения специально для охраны императора.

В августе 1862 года часть дворцовых городовых была командирована в Новгород, где 8 сентября Александр II с августейшей семьей открыл памятник «Тысячелетие Руси». На них был возложен надзор за входами, а также за соблюдением общественного порядка у здания, в котором останавливался император.

С 1862 года полицейские городовые стражи в обиходе начинают именоваться городовыми унтер-офицерами, а в переписке по Министерству императорского двора идет упоминание об «унтер-офицерах из полицейской команды, состоящих при Зимнем Дворце». В последующей переписке городовые стражи начинают постоянно упоминаться как городовые унтер-офицеры Дворцовой полицейской команды или Дворцовая полицейская охрана. Такое разнообразие в наименовании городовых стражей сохраняется вплоть до реорганизации подразделения в 1881 году (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 90 об.).

Из записки Министра императорского двора графа В.Ф. Адлерберга I от 20 апреля 1863 года (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 23) видно, что утвержденные императором в 1861–1862 годах правила охраны по Зимнему, Царско-сельскому и Петергофскому дворцам соблюдались впоследствии практически без изменений. В апреле 1869 года был добавлен девятый пост полицейской городской стражи у главного входа Зимнего дворца.

В начале декабря 1879 года, по указу императора, численный состав полицейской городской стражи был увеличен с 30 до 42 человек с одновременным увеличением денежного довольствия. Им было назначено содержание околоточных надзирателей Санкт-Петербургской полиции, т. е. по 550 рублей в год каждому (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 91).

Поводом, повлекшим увеличение штатной численности городской стражи, стала ситуация, связанная с ростом террористической активности в стране. С начала 1879 года террористические акты в отношении представителей власти, и в первую очередь в отношении императора, приобретают систематический характер.

2 апреля А.К. Соловьев практически в упор стрелял в Александра II около Зимнего дворца. Спланированы и подготовлены к исполнению три покушения на Александра II путем подрыва императорского поезда, одно из которых привело к крушению свитского поезда. Смертельно ранен Харьковский

губернатор, генерал-адъютант князь Д.Н. Кропоткин. Совершено покушение на жизнь начальника III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа жандармов, генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна, заменившего на этом посту генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева, погибшего от руки террориста годом ранее.

Тем не менее, исходя из последовательности происходящих событий, последним толчком, послужившим к увеличению штатной численности полицейской городской стражи Зимнего дворца практически в полтора раза, стала информация, полученная от Санкт-Петербургской полиции.

24 ноября 1879 года на конспиративной квартире был арестован член Исполнительного комитета «Народной воли» А.А. Квятковский. При обыске его квартиры был найден динамит и части взрывного устройства в разобранном состоянии, а также нарисованный от руки план Зимнего дворца, на котором царская столовая была помечена крестом [2: с. 261].

Внутренние правила безопасности во дворце были существенно пересмотрены. Все помещения, прилегающие к царской столовой сверху, снизу, с боков, подверглись осмотру и самому тщательному надзору.

Значительно был усилен пропускной режим. Свободный вход и выход дворцовой прислуги ограничили. Осмотру стали подвергать всех временных рабочих и прислугу, идущую во дворец. Все были обязаны постоянно иметь при себе выданный номерной значок в виде медной бляхи.

Была введена система внезапных дневных и ночных обысков, которые проводила дворцовая охрана. Однако, как хорошо известно из событий 5 января 1880 года, обыски должного результата не дали.

Следует отметить, что основной участник этих событий Степан Николаевич Халтурин (Батышков), работавший с сентября 1879 года во дворце столяром-лакировщиком, сумел сойтись с городовым из дворцовой стражи и расположить его к себе. Городовой жил в соседней комнате в том же подвальном помещении, где размещались столяры. В дополнение к основной службе, исходя из имеющихся источников, на него был возложен надзор за своими соседями. Отношения Халтурина с городовым складывались таким образом, что он видел в Халтурине потенциального жениха для своей дочери. Как отмечает в своей книге Г.Д. Нагаев: «Как-то в воскресенье вместе с жандармом и его дочкой ходил к обедне в Исаакиевский собор... Поход Батышкова с жандармом к обедне произвел впечатление на вахтеров, дежуривших у ворот, через которые ходила обслуга дворца. К Степану стали относиться, как к будущему зятю дворцового жандарма, и перестали его обыскивать, когда он возвращался один» [9: с. 281].

Исходя из вышесказанного, нельзя исключать, что обыски, проводимые городской стражей у проживающих во дворце служащих и временных рабочих, в отношении Халтурина могли быть формальными. Как лицо, обличенное доверием дворцового полицейского, Халтурина действительно могли

обыскивать поверхностно, о чем неоднократно упоминали в своих мемуарах участники тех событий.

5 января 1880 года в седьмом часу вечера резиденцию императора потряс сильный взрыв. Основной удар от взрыва 36 килограмм динамита [10: с. 82], заложенных Халтуриным в подвальном помещении, пришелся на помещение главной гауптвахты, которое размещалось под царской столовой.

В результате взрыва лейб-гвардейский Финляндский полк, находившийся в тот день в карауле, потерял убитыми десять человек, тридцать три получили ранения различной степени тяжести. В общей сложности вместе с дворцовой прислугой число погибших достигло 11 человек, раненых — 56 [1: с. 34].

Террористический акт наглядно продемонстрировал неудовлетворительность и недостаточность мер в организации охраны императора, принимаемых министерствами и ведомствами, на которые возложена ответственность за жизнь августейшей особы и его семьи. Взрыв со всей очевидностью показал, что император не может находиться в безопасности даже в такой, казалось бы, хорошо укрепленной и охраняемой резиденции, как Зимний дворец.

Произошедшие события показали, что недостаточными были в первую очередь меры, касающиеся проверки всего обслуживающего персонала, поступающего на постоянную или временную работу к императорскому двору, на причастность к террористическому либо революционному движению, а также на выявление лиц, им сочувствующих. Недостаточными оказались меры по осуществлению допуска на территорию Зимнего дворца и загородных императорских резиденций, а также отсутствие соответствующего наблюдения за помещениями дворца и надзора за дворцовой прислугой, проживающими во дворце служащими и временными рабочими.

Попытка покушения на императора 5 января 1880 года повлекла за собой масштабные организационные меры в сфере обеспечения безопасности в царских резиденциях. В марте 1880 года в структуре Зимнего дворца вводится новая должность «заведующий охраной Императорского Зимнего и загородных Дворцов». На нее назначается полковник Отдельного корпуса жандармов Михаил Иванович Федоров с предоставлением широких полномочий по организации мер безопасности в императорских резиденциях и в первую очередь в Зимнем дворце (РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 201). По должности он находился непосредственно в подчинении министра императорского двора и уделов.

В первую очередь он переподчинил себе фактически все охранные подразделения, в той или иной мере участвующие в обеспечении личной безопасности императора или резиденций.

В подчинение Федорову была передана Дворцовая городовая стража, а также чины Служительской команды, швейцаров и придворнослужителей во время несения ими караульной службы (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 8), а чуть позднее офицеры Служительской команды и дежурные офицеры от гвардейских войск (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 11).

Здесь следует отметить, что действия полковника Федорова по концентрации в одних руках управления подразделениями, осуществляющими охрану Зимнего дворца, наводят на мысль о том, что им была предпринята попытка создать некий единый орган охраны, который бы в комплексе решал задачи по обеспечению безопасности императора на подведомственных ему дворцовых территориях.

Он пересмотрел расстановку постов в Зимнем дворце и его окружении. Одни посты были упразднены, другие введены, а третьи усилены.

Проводилась более тщательная проверка на политическую благонадежность всей дворцовой прислуги. С целью исключения попадания посторонних на территорию императорских резиденций были изготовлены специальные карточки для всей вольнонаемной дворцовой прислуги с отметкой заведующего охраной полковника Федорова, которые давали право прохода на территорию резиденций.

Паспорта рабочих, идущих на работу во дворец или территорию резиденций, проверялись путем направления запросов по месту их выдачи в губерниях, а на самих рабочих собиралась информация по каналам Санкт-Петербургской полиции.

Подрядчик, выполнявший работу во дворцах, распиской ручался за политическую благонадежность своих работников. В каждом помещении, где велись работы, должен был находиться унтер-офицер от службы Федорова при двух дворцовых городских стражах.

К этому периоду времени, как отмечает историк И.В. Зимин, относится начало использования «внутренней агентуры» с целью контроля за политической благонадежностью прислуги и служащих в императорских дворцах [5: с. 417].

В мае 1880 года должность заведующего охраной императорских дворцов, занимаемая генерал-майором Федоровым, упраздняется. Взамен упраздненной должности была учреждена должность полицмейстера Зимнего дворца, на которую был назначен боевой, проявивший личную храбрость в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов войсковой офицер подполковник Константин Михайлович Струков (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 17).

На него были возложены обязанности по охране только Зимнего дворца. Данная замена может говорить об одном: акцент в организации охраны императорской резиденции был перенесен с оперативной на караульно-постовую составляющую.

Тем не менее правила, введенные Федоровым, исполнялись и при Струкове. Изменения коснулись подчиненности отдельных подразделений, принимавших участие в охране императорских дворцов.

Следует отметить, что для рассматриваемого периода характерна определенная коллегиальность в организации охраны без выраженного единоначалия в данной области. Решения по организации охраны принимались, как

правило, комиссией, состоящей из руководства заинтересованных ведомств и военных подразделений. Как упоминалось выше, у Дворцовой городской стражи было двойное подчинение. К тому же подразделения ведомств, принимающие участие в охране императора, обладали практически равными правами в решении вопросов охраны, отнесенных к компетенции данного ведомства. Так, в день гибели Александра II, 1 марта 1881 года, его сопровождали каждый в своих санях полицмейстер первого городского отделения полковник Дворжицкий, за ним начальник Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии капитан Кох и командир лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона ротмистр Кулебякин [11: с. 9]. Каждый из вышеперечисленных лиц командовал чинами подразделений, осуществлявших охрану царя: Секретного отделения канцелярии обер-полицмейстера столицы, Охранной стражи III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и собственного Его Императорского Величества конвоя [4: с. 597].

Именно трагедия 1 марта 1881 года заставит серьезно пересмотреть этот порядок, обратиться к анализу ошибок и поиску адекватных угрозам мер противодействия.

В итоге в августе 1881 года, уже при императоре Александре III, начнется формирование Собственной Его Императорского Величества охраны, в основу которой будет положен принцип единоначалия, а Дворцовая городская стража составит костяк нового подразделения охраны — Дворцовой полиции.

Литература

1. *Бурцев В.Л.* Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). СПб., 1906. 236 с.
2. *Волк С.С.* «Народная воля» и «Черный передел» // Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.
3. *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 140 с.
4. *Григорьев Б., Колоколов Б.* Повседневная жизнь российских жандармов. М.: 2007. 852 с.
5. *Зимин И.В.* Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2014. 718 с.
6. Министерство внутренних дел: Исторический очерк. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1902. 265 с.
7. *Мороховец Е.А.* Крестьянское движение 1827–1869 гг. М.: Соцэкгиз, 1931. 152 с.
8. *Мороховец Е.А.* Крестьянская реформа 1861 года. М.: Соцэкгиз, 1937. 16 с.
9. *Нагаев Г.Д.* Казнен неопознанным... (повесть о Степане Халтурине). М.: Политиздат, 1970. 368 с.
10. *Пелевин Ю.А.* Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1 (27). С. 73–89.
11. Суд над цареубийцами: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший государь Император Александр Николаевич /

Заседание Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях. СПб., 1881. 260 с.

12. Цареубийство первого марта. С четырьмя планами и чертежами разрывного снаряда. СПб., 1881. 42 с.

Literatura

1. *Burcev V.L.* Process shestnadczati terroristov (1880 g.). SPb.: 1906. 236 s.
2. *Volk S.S.* «Narodnaya volya» i «Cherny'j peredel» // *Vospominaniya uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg.* L.: Lenizdat, 1989. 415 s.
3. *Gessen S.* Studencheskoe dvizhenie v nachale shestidesyaty'x godov. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshhestva politkatorzhan i ssy'l'no-poselencev, 1932. 140 s.
4. *Grigor'ev B., Kolokolov B.* Povsednevnyaya zhizn' rossijskix zhandarmov. M.: 2007. 852 s.
5. *Zimin I.V.* Lyudi Zimnego dvorcza. Monarshie osoby', ix favority' i slugi. M.: Centropoligraf, 2014. 718 s.
6. *Ministerstvo vnutrennix del: Istoricheskij ocherk.* SPb.: Tipografiya Ministerstva Vnutrennix Del, 1902. 265 s.
7. *Moroxovecz E.A.* Krest'yanskoe dvizhenie 1827–1869 gg. M.: Soce'kgiz, 1931. 152 s.
8. *Moroxovecz E.A.* Krest'yanskaya reforma 1861 goda. M.: Soce'kgiz, 1937. 16 s.
9. *Nagaev G.D.* Kaznen neopoznanny'm... (povest' o Stepane Xalturine). M.: Politizdat, 1970. 368 s.
10. *Pelevin Yu.A.* Stepan Xalturin, «Narodnaya volya» i pokushenie na Aleksandra II v Zimmem dvorce // *Novy'j istoricheskij vestnik.* 2011. № 1 (27). S. 73–89.
11. *Sud nad czareubijczami: Delo o sovershennom 1 marta 1881 goda zlodexanii, zhertvoyu koego pal v Boze pochivshij gosudar' Imperator Aleksandr Nikolaevich / Zasedanie Osobogo prisutstviya Pravitel'stvuyushhego senata dlya suzhdeniya del o gosudarstvennyx prestupleniyax.* SPb., 1881. 260 s.
12. *Czareubijstvo pervogo marta. S chety'r'mya planami i chertezhami razry'vnogo snaryada.* SPb., 1881. 42 s.

O.V. Zhuravlyev

About the History of Foundation of the Palace Police: The Palace Policeman Guards. 1861–1881

The article is devoted to the history of the palace policeman guard: the special unit for guarding Emperor Alexander II. The problems, connected with the change in socio-political situation in tsarist Russia, the growth of revolutionary and terrorist activity and the measures taken for the protection of the Emperor and his residences are considered.

Keywords: socio-political situation; Emperor Alexander II; terrorist activity; palace policeman guard; protection of the Emperor; the Winter Palace.